

Зинаида Дмитриевна Вершинина

- Я в концлагере оказалась, где-то в южной части Берлина... На целых четыре года. Спасло, что оставили в живых, а не убили сразу, наверное, то, что документы мои были оформлены на имя гражданки Чехословакии – с русскими паспортами приходилось гораздо хуже...

Работа была непосильная: как и все пленные, ямы, рвы копала, лён теребила, истощенная, голодная все время... Умирало людей много, но тут же пригоняли новых пленных. А кто падал без сил, того в яму скидывали, умирать. Тут и патронов тратить не надо, никто сам из той ямы не выберется...

В один день и я упала, обессилела. Да и померла бы в той яме, куда меня сбросили, кабы ни один местный житель, н немец, не военный, – услышал стон, значит, кто-то живой,, и спустился в яму. Нашёл меня, вытащил и к себе отнёс – там и укрыл, и выходил... А тут уж и победа не за горами... Освободили нас, и в 1945 году я домой вернулась. Но далеко не сразу моя мирная жизнь наладилась: сначала попала под «фильтрацию»: это всех, кто возвращался из плена, управление «Смерш» проверяло на принадлежность к разведывательным службам...

... Всё пришлось начинать заново, выживать всяко: работать, чтобы кормиться. Так вот и оказалась я в Карелии на лесозаготовках, в посёлке Сосновец. Работала сучкорубом, затем уборщицей в больнице. Замуж вышла. А затем с мужем и пятью детьми (сыном и четырьмя дочерьми) переехала в Беломорск. Семья сложилась крепкая, дружная.

И ещё я петь очень любила, всегда пела, везде! И даже в Поморском хоре, а потом и в хоре ветеранов. Мне вот 95 исполнилось, у меня и внуки, и правнуки, и соседи хорошие. А петь я до сих пор люблю.